звезда, борода у нево в три волоса широка и окладиста, кавтан ... ной, пуговицы тверския, в три молота збиты. Господарь судья свинья, возми на колачи, а делом не волочи.

(Л. 287—288 об.)

Челобитная

Господа бояря, судите, рядите в божию правду, в кресное целование. Дело у вас в месице саврасе, в серую суботу, в соловой четверк, в желтой пяток. День шел де я Сергунка в судне по подледью в зиме на свинье, сам стоял на петах, а ж... вес в тороках, по четыре чяса на день, а руки держал за пазухою, а ногами правил, а головою в седле сидел. Как буду де я Сергунка против Симонова лицем, Воробьева задом, тут де мои недруги стоят, ниже меня ростом и глупея меня разумом, именем он долог. И тут де они меня били и грабили, однорятку сняли не тем цветом, чиреи нарядной Данилу Бархотичу, татоур вяземских лык. Возми на колачи, а делом не волочи, аминь хлопочи. Конец сей тетрати свершися аминь.

Эти шуточные челобитные-пародии, с одной стороны, несомненно, примыкают к деловому языку XVII в. — ср. начало первой челобитной с обычным обращением челобитчика: «бьет челом и плачется»,[1] и начало второй пародии с формулой допроса, повторяющейся в следственных делах XVII в.: «Уличаю, господине, их божьею правдою, целовав крест».[2] С другой стороны, вся манера этих двух пародий-челобитных целиком совпадает с теми скоморошьими небылицами, которые до сих пор бытуют в устной традиции.[3] Здесь то же нагромождение невероятностей, как в наших пародиях, напр.: «руки держал за пазухою, а ногами правил, а головою в седле сидел» — ср. в «прибалутке»: «на босу ногу топор надевал, топорищем подпоясывался, кушаком дрова рубил» (стр. 508); или: «борода в три волоса широка и окладиста» — в «прибалутке» так описывает муж красоту своей жены: «жона была раскрасавица, из лохани брана, помелом наресована» и т. д. (там же). В пародиях, как и в небылицах-прибаутках та же наклонность к рифмованной речи.

В отличие от «Калязинской челобитной», эти шутливые пародии-челобитные не имеют такого ясно выраженного сатирического духа: единственным выпадом по адресу судей можно в них считать заключительные слова — «возми на колачи, а делом не волочи». Они сближаются с «Калязинской челобитной» лишь своим литературным замыслом, свидетельствуя

[1] Акты юридические. Изд. Археогр. комиссии, СПб., 1838, стр. 84 и др.
[2] Там же, стр. 47—49.
[3] Н. Е. Ончуков. Северные сказки, СПб., 1908, стр. 46, 72—73, 143, 507, 508.